



Православный листок

прихода преподобнаго Серафима Саровскаго въ Монреаль
Русской Зарубежной Церкви
подъ омофоромъ блаженнѣйшаго митрополита Виталія



№ 18 Октябрь 2005 г. Р. Х.

Въ этомъ номерѣ:

- Изъ отечника
- Новости
- Проповѣдь м. Антонія
- Дарвинизмъ: крахъ мифа.
- Предъ судомъ Божиимъ (продолжение)

ИЗЪ ОТЕЧНИКА

АНТОНІЙ ВЕЛИКІЙ:

- Дѣлами твоими, каковы-бы они ни были, не превозносись.
- Люби безчестія болѣе, нежели почести. Обезчещенный, не возненавидь обезчестившаго.
- Не ѣшь до сыта.
- Избѣгай любопренія и спора.
- Не ропщи и не позволи себѣ оскорбить кого-либо.
- Не говори съ гнѣвомъ; не возвышай голоса твоего; не кричи, не говори громко и поспѣшно.
- Уста да говорятъ всегда правду. Языкъ твой да руководится разумомъ твоимъ; слова, произнесенныя необдуманно, - волчцы и терние.
- Въ церкви отнюдь не говори.

НОВОСТИ

Съ сентября, нашъ батюшка, отецъ Юрій продолжаетъ преподавать желающимъ Законъ Божій.

Въ октябрѣ сестричество нашего прихода преподобнаго Серафима Саровскаго устроило двѣ ярмарки; первую – при храмѣ на 6-й авеню въ Ляшинѣ, а вторую – въ Преображенскомъ Скиту митрополита Виталія, первоіерарха Русской Зарубежной Церкви. Сестры провели многія сотни часовъ за подготовкой и

проведеніемъ этихъ благотворительныхъ распродажъ. Вырученныя средства пойдутъ на пользу нашему храму и Православной Церкви. Помолимся о нашихъ сестрахъ, Богъ да укрѣпитъ ихъ впредь.

26 сентября / 9 октября епископъ Сергій рукоположилъ въ чтецы р. Б. Илью, который Божіей милостію два года прислуживаетъ въ алтарь, читаетъ и поетъ на клиросѣ въ нашемъ приходѣ. Помолимся о р. Б. чтецѣ Иліѣ, да

поможетъ ему Господь нелицемѣрно служить Церкви Христовой.

В концѣ ноября, если угодно будетъ Господу, въ Преображенскомъ Скиту пройдетъ ежегодный Архіерейскій соборъ Русской Православной Церкви Заграницей. Желающіе помочь въ пригтовленіи и проведеніи Собора, обращайтесь къ старшей сестрѣ, Галинѣ или къ старостѣ Анатолию, который скоро долженъ къ намъ вернуться изъ Россіи.

ПРОПОВѢДЬ БЛ. МИТРОПОЛИТА АНТОНІЯ – Исцѣленіе кровоточивой (Ме 9:18-26)

Изъ лживыхъ объясненій чудесъ, самое безстыдное толкованіе Ренанъ даетъ исцѣленію кровоточивой: онъ пользуется невозможностью внѣшне и публично устанонить это чудо и подъ защитой этой невозможности невозбранно и безстыдно клевететь, говоря, что чуда никакого не было, что Христосъ и женщина сговорились, чтобы обмануть народъ. Ренаиъ говоритъ о любви Христа и выставляетъ его обманщикомъ. Такъ изобличается не Христосъ, а Ренанъ и его проповѣдь: онъ признаетъ нравственную возможность соединенія любви и обмана.

Намъ ясна правда евангельскаго повѣствованія, мы знаемъ какая стыдливость связана у женщинъ съ этимъ явленіемъ, и мы видимъ ее, трепещущую, какъ она исповѣдуетъ свою вѣру и исцѣленіе, перебарывая свой стыдъ.

Но доказать этой правды мы не можемъ, какъ не можетъ доказать и Ренанъ своей лжи. Но ему и не надо доказывать: ему надо только набросить тѣнь сомнѣнія, надо тѣмъ болѣе, что если онъ говоритъ о бѣсноватыхъ, что они представлялись, то это чудо, гдѣ теченіе крови фактъ и реальность, ему надо во что бы то ни стало оклеветать. И вотъ защитившись стыдливостью женщины, которая иначе какъ словомъ не можетъ засвидѣтельствовать о совершившемся чудѣ, онъ невозбранно клевететь.

На Христа клеветуютъ по ненависти къ Нему. Нѣтъ спокойнаго безразличнаго отношенія: или озлобленная ненависть или преданность и поклоненіе.

Многіе клеветуютъ на Христа и Его угодниковъ не прямо, а намеками: то въ видѣ признаемаго своего незнанія и просьбы разяснить тотъ или иной вопросъ, то въ видѣ недоговоренной цитаты. Дѣлаютъ только намекъ и

радуются посѣянной растерянности или сомнѣнію.

Такіе нападаютъ, но всегда, какъ барсукъ имѣющій запасную нору для бѣгства, готовятъ себѣ отступленіе охотнымъ признаніемъ своей некомпетентности, когда кто сумѣетъ имъ серьезно отвѣтить на ихъ софизмы. Но злой ударъ уже сдѣланъ. Клевета! Какое это страшное и какое нечестное оружіе! Повторите самую большую бессмысленность три раза на площади и ее стануть повторять и мало кто станеть возражать. И мы виноваты въ томъ, что въ нашемъ обществѣ, не встрѣчая изобличенія, такъ часто пользуются орудіемъ недоговоренности, намека и клеветы. И если нѣкоторыя клеветы не сразу и не начисто выбрасываются, то начинается гнѣніе и смрадъ. Если не въ участіи въ клеветахъ мы повинны, то въ нѣкоторомъ небрежномъ отношеніи къ истинѣ мы повинны всѣ.

ДАРВИНИЗМЪ: КРАХЪ МИФА

«погибе память его с шумом...» (Пс.9.7)

Вглядываясь в историю дарвинизма, можно увидеть и понять многое. В этом учении как в капле воды отразились характерные черты нашего «научного мировоззрения», а говоря в более общем плане — черты того грандиозного акта человеческой гордыни, который отец Павел Флоренский называл «возрожденчеством». Судьба дарвиновской теории является для нас и уроком, и предупреждением: всю нынешнюю «возрожденческую» идеологию ожидает тот же самый бесславный конец, к которому подошла сейчас так громко превозносимая когда-то эволюционная теория. Поэтому знать о ее судьбе полезно не только биологам, но и всем людям вообще. Сейчас на Западе ширится движение за то, чтобы исключить теорию естественного отбора из школьных учебников, и, кажется, это будет скоро сделано. Но, думается, даже в самой что ни на есть нормальной «послевозрожденческой» жизни, если таковая наступит, надо будет рассказывать детям поучительную историю одной идеи, которая сначала потрясла мир, а потом стыдливо стала сходить на нет, ибо изначально была ложью, а всякая ложь обречена на вымирание.

Обнародованная в 1859 году теория происхождения видов путем естественного отбора имела ошеломляющий успех. Книга, где она была сформулирована, разошлась всем тиражом в считанные дни. Так не расхватавались даже произведения знаменитых беллетристов того времени. И что примечательно: хотя книга преподносилась как научный трактат, раскупали ее в основном люди, не имеющие к науке никакого отношения. И были от нее в восторге. Что же касается специалистов, то они отнеслись к ней более сдержанно, а самые крупные из них даже и критически. Например, знаменитый Вир-хов высказался в том духе, что, дескать, появился еще один мыльный пузырь, который скоро лопнет. Но он сильно ошибся: прошло уже сто тридцать лет, а о том, что он окончательно лопнул, говорить еще рано. Обмяк он, конечно, здорово, но лопаться все еще не хочет.

Ошибка была следствием того, что Вирхов не понял сути и природы дарвинизма. Он критиковал Дарвина, как биолог биолога, и только. Эту же ошибку повторили потом многие исследователи, в частности наши соотечественники Данилевский и Берг, и их блестящие аргументы против эволюционизма тоже не произвели никакого эффекта.

В боксе есть такое понятие: «хорошо держать удар». Считается, что этим качеством в особенной степени

обладают негры. Такие бойцы обычно мало заботятся о защите и в основном нападают. Так вот, Дарвин превзошел в этом свойстве самых знаменитых чернокожих чемпионов ринга. Сколько уж раз ему наносили такие тяжелые удары, от которых не то чтобы на ногах устоять, но и остаться в живых, казалось бы, невозможно, а он не обращает на них внимания и по-прежнему напористо атакует религию.

В этом сравнении нет никакого преувеличения. Удивительную незащищенность дарвинизма от возражений можно продемонстрировать даже в рамках данной журнальной статьи, рассчитанной на читателей, не обладающих никакими специальными познаниями.

Всякая научная теория должна опираться на две вещи: на логику и на факты. Это обязательное требование, и если оно не выполняется, то надо говорить уже не о теории, а о каком-то произвольном умственном построении, которое настоящий ученый не может не только признать истинным, но даже серьезно обсуждать. Дарвин, разумеется, знал об этом требовании и постарался его удовлетворить. Посмотрим, насколько это удалось.

Логические аргументы у него следующие. Какой бы вид животных мы ни взяли, дети в нем всегда слегка отличаются по своим признакам от родителей. Отклонения эти совершенно случайны, поэтому среди них встречаются и повышающие конкурентоспособность животного во внутривидовой борьбе и его приспособленность к внешним условиям, и понижающие ее. Особи, сместившиеся в первом направлении, начнут размножаться более активно, так что их признаки станут в популяции более распространенными. Этот маленький сдвиг будет повторяться из поколения в поколение, и постепенно возникнет форма, заметно отличающаяся от прежней. А за миллионы лет это отличие достигнет такой степени, что на Земле появится новое семейство, новый отряд и новый класс. Никакого Божественного промысла, никакого чуда, все происходит само собой. Разве не убедительно?

Ответ ученого должен быть таким: пока не убедительно. Ведь это только предположение о том, как могло бы быть. Чтобы судить, было ли так на деле, надо выяснить, при каких условиях такой процесс возможен и выполнялись ли эти условия.

Основное и неперемное условие очевидно. Чтобы четко его сформулировать, полезно ввести понятие пространства признаков, в котором всякий вид изобразится точкой. Произвольно взятую точку этого пространства будем называть «реальной», если животное с соответствующим набором признаков получается жизнеспособным, и «нереальной» — в ином случае. Понятно, что дарвиновская схема эволюции проходит лишь в том случае, когда исходный вид можно соединить с произошедшим от него видом такой линией, которая целиком состоит из реальных точек. Априори такая возможность ниоткуда не следует — ее надо доказать, а если не доказать, то хотя бы привести веские соображения в пользу ее существования. Но они до сих пор никем не приведены.

Более того. Когда начинаешь вдумываться, становится ясно, что связать такой линией все пары, которые эволюционисты считают парой «предок — потомок», как раз и не удастся. Это

не только сомнительно, но просто-таки невероятно. Ткнув наобум в какую-то точку нашего пространства, мы почти наверняка попадем в нереальную точку, ибо в случайном наборе признаки окажутся не согласованными друг с другом и не смогут обеспечить выживание их обладателя даже в течение нескольких секунд. Соберите-ка механизм из деталей, взятых с завязанными глазами с полок заводского склада, — будет ли он функционировать? А ведь организм животного неизмеримо сложнее любого инженерного прибора, и отдельные детали соответствуют в нем друг другу куда точнее. Это значит, что пространство признаков почти сплошь состоит из нереальных точек, а реальные точки расположены в нем изолированно и на значительных расстояниях между собой. Следовательно, соединить их «реальными кривыми», как это требуется дарвинистам, нельзя. Так что даже самые общие рассуждения заставляют отнестись к теории естественного отбора как к беспочвенному фантазированию.

Когда же мы переходим к фактам, то оказывается, что они полностью подтверждают правильность таких рассуждений. Фундаментальной характеристикой живой природы, какую мы ее видим вокруг себя, является ярко выраженная дискретность форм. Никаких кентавров или грифонов мы не встречаем, каждый вид имеет свою специфическую совокупность идеально подогнанных друг к другу видовых признаков и этой совокупностью настолько отчетливо отличается от остальных видов, что у зоологов почти ни разу не было затруднения в систематизации на этом уровне. Споры бывали только в отношении крупных таксонометрических единиц — скажем, считать такую-то группу типом или подтипом, а в отношении выделения видов всегда все было ясно. Это и есть практический аргумент в пользу того, что промежуточные между видами формы не реализуемы: если бы были реализуемы, почему же они не возникли? И, что самое важное, этих промежуточных форм никогда и не было: ископаемые останки тоже дискретны. Опираясь на данные палеонтологии, мы можем утверждать, что непрерывности форм нет не только в пространстве, но и во времени, так что гипотеза о постепенной эволюции добытым материалом не подтверждается. Процесс образования новых видов по той схеме, которая в теории вероятностей называется случайным блужданием, во-первых, не мог идти, а во-вторых, никогда не шел.

Дарвин хорошо понимал, какую опасность для его учения представляет отсутствие в палеонтологии «промежуточных звеньев», и уверял, что когда раскопок станет больше, эти звенья будут обнаружены. Но их так и не нашли, и теперь уже ясно, что искать их бесполезно. Какая может быть промежуточная форма между, например, морским животным, у которого весь метаболизм нацелен на извлечение кислорода из воды, и наземным видом, располагающим сложнейшим аппаратом получения кислорода из воздуха? А эволюционисты говорят: все мы вышли из моря. Как же мы смогли выжить в течение того громадного периода времени, исчисляемого миллионами лет, когда дыхательная система перетерпевала коренные изменения и была ни то и ни се? Или другой вопрос как

можно вообразить себе звено, соединяющее плавным образом неживую материю, от которой, по убеждению дарвинистов, произошла когда-то жизнь, с биологическим существом, обладающим даже в самом примитивном своем варианте многоступенчатым механизмом синтеза белков на рибосомах под управлением нуклеиновых кислот? Ведь такой механизм не может работать наполовину или на четверть - он либо действует во всем своем объеме со всеми своими перекодировками — и тогда жизнь воспроизводится, либо не работает вообще, ибо ни одну операцию нельзя из него исключить, - и тогда жизни нет.

Защищая свою позицию, эволюционисты любят ссылаться на практику выведения селекционерами новых пород животных. Сам Дарвин говорил, что идею естественного отбора подсказало ему наблюдение за отбором искусственным. Поэтому во всех музеях атеизма на стенах висят плакаты с изображением многочисленных пород голубей. Но этот аргумент не назовешь иначе, как по-детски наивным. Из возможности создавать путем отбора новые породы данного вида заключать о возможности таким же путем получать новые виды или семейства абсолютно некорректно. Это заключение основывается на недопустимом смешении существенных признаков, образующих в совокупности идею вида, — таких, как химия обмена веществ, тип иммунологической защиты, структура нервной системы, технология пищеварения, схема связей отделов мозговой коры с рецепторами, принципы действия зрительного аппарата и т. д., с признаками вспомогательными или декоративными, скажем с геометрическими соотношениями частей тела или с окраской шерсти. Да, отбором можно получить из дикого голубя турмана, но кто всерьез поверит, что этим же методом можно получить из него сову?

Поверхностный подход к наблюдаемым фактам, использование чисто внешних аналогий, торопливость мысли и нежелание додумывать предмет до конца — вот что типично для эволюционистов, апеллирующих к практическому опыту селекционеров. И за свое верхоглядство и научную недобросовестность они были заслуженно наказаны: попали в яму, которую сами же и вырыли. Именно изучение опыта искусственного отбора дало сегодня один из самых убедительных аргументов против теории естественного отбора. Оказалось, что виды паразитично устойчивы, консервативны до неправдоподобия, гораздо более консервативны, чем еще недавно мог бы предположить любой антидарвинист. Наборы видовых признаков просто-таки невозможно сдвинуть с места. Сейчас вместо закона изменчивости, являющегося одной из аксиом дарвинизма, пора провозгласить другую, противоположную аксиому: закон неизменности вида. В некоторых лабораториях в течение уже десятков лет идет интенсивнейшая селекция бактерий с применением даже облучения для ускорения мутаций. Учитывая, что здесь поколения сменяются в среднем за двадцать минут, можно сказать, что прошло уже столько же времени отбора, сколько для млекопитающих составляют миллионы лет. Но у последних за этот период возникли целые новые отряды, тогда как у подопытных микробов не появилось ни единого нового вида! Какие же еще нужны экспериментальные доказательства невозможности получить

новую форму отбором? Для ее появления, видимо, нужна какая-то санкция свыше...

Ложность дарвинизма имеет глубокие корни: эта концепция вырастает из неправильного представления о самом феномене жизни. Его можно сравнить с тем представлением об атоме, которое царило в физике до Нильса Бора. Тогда полагали, что электрон может находиться в атоме на любой орбите. Бор же установил, что существуют определенные «разрешенные» орбиты, образующие дискретный ряд, а любая промежуточная между ними «запрещена», т. е., говоря языком биологии, нежизнеспособна. Все данные, собранные сегодня наукой, свидетельствуют о том, что и по отношению к живой природе можно говорить о «разрешенных» идеях видов, т. е. о дискретном множестве платоновских эйдосов, хранящихся в каком-то ментальном мире, дополнительном к нашему материальному миру. Только эти эйдосы могут реализоваться на Земле, а все остальное «запрещено». Почему и когда они действительно реализуются — это уже другой вопрос.

Как известно, принятие модели атома Бора вывело физику из кризиса и открыло ей путь к новым достижениям. Не настал ли момент и для биологии принять соответствующую модель жизни? Думается, только после этого она выйдет из тупика, в который завел ее Дарвин, и сможет по-настоящему творчески осмыслить палеонтологический и зоологический материал, ныне ставящий ее в затруднительное положение. Интересно, что недавно получено прямое опытное подтверждение правильности «боровского» подхода к жизни: наш кинолог А. Т. Войлочников установил, что если скрещивать между собой гибриды волка и собаки, то в следующих поколениях начинают рождаться либо чистые собаки, либо чистые волки. Насильственно смешанные в первом поколении гены, как только у них появляется такая возможность, начинают расходиться по «разрешенным» наборам. Из этого, кстати, следует, что собака не произошла от волка, как считалось раньше: промежуточная форма не могла существовать.

Новая концепция древа жизни повлечет за собой и новую концепцию появления на нем ветвей. Возникновение в какой-то исторический момент не существовавших ранее видов есть твердо установленный факт. Прежде думали, что они возникали в ходе непрерывной эволюции, но такое мнение несовместимо с идеологией дискретности. Как же они тогда возникали? Сгущались из воздуха? Вряд ли. Конечно, и само появление на Земле жизни, и ее последующее обогащение новыми формами не есть результат протекающих по неизменным «законам природы» химических процессов — это процесс сугубо сверхъестественный, это есть чудо. Но и в чудесах Своих, коим несть числа, Творец придерживается принципа, который выглядит как принцип наименьшего нарушения Им же Самим установленного порядка вещей. Исцеляя слепорожденного, Иисус «плюнул на землю, сделал брение из плюновения и помазал брением глаза слепому» (Ин. 9,6). Но ведь сошедший на землю Бог мог просто приказать: стань зрячим! Почему же Он счел нужным сделать лекарство? Потому, наверное, что применение лекарств

предусмотрено правилами земного царства, и Бог проявил уважение к этим правилам, как проявляет уважение к армейским инструкциям утвердивший их император, который на вопрос часового «Кто идет?» не отвечает «Твой царь», а произносит пароль. Поэтому можно думать, что новый вид возникал почти по законам биологии, созревая в утробе старого вида, т. е. чудо происходило на уровне кода ДНК, куда вписывалось новое СЛОВО. В этом смысле, может быть, и верно, что земноводные произошли от рыб, а человек произошел от обезьяны, только это «происхождение» не было случайным, и естественный отбор не играл в нем никакой роли. Оно было задумано свыше и осуществилось в надлежащее время

Итак, мы убедились, что те две опоры, которые должны иметься под всякой теорией — логика и факты, — у дарвинизма отсутствуют. Даже самые простые рассуждения и самый беглый обзор данных выявляют полную несостоятельность эволюционной концепции. Но, несмотря на такую уязвимость для критики, дарвинизм неуязвим: до сих пор миллионы людей убеждены в его истинности, и его продолжают защищать даже отдельные ученые.

Разгадка парадокса состоит в том, что дарвинизм только по форме выглядит научной теорией, а на деле таковой не является. Его все время пытались опровергнуть как плохую теорию, но этот подход был неправилен: он не является плохой теорией, поскольку он вообще не есть теория. Что же он такое? Элемент сформированной нашей цивилизацией и поддерживающего эту цивилизацию массового сознания, одна из несущих конструкций ее идеологической надстройки. Об этом свидетельствует вся его история. Только с этой точки зрения становится понятным, почему, чем меньше люди разбираются в биологии, тем больше они в него верят. Проясняется и та странная закономерность, что ученые, наиболее яростно защищающие теорию естественного отбора, обычно являются активными общественными деятелями. Дело

в том, что они занимаются не поисками истины, а выполнением социального заказа.

Подоплека же этого заказа предельно проста. Несколько веков тому назад произошла банальная история, много раз описанная в Библии: возомнивший о себе человек в очередной раз решил обойтись без Бога. Когда-то это намерение возникло в Эдеме, затем в Вавилоне, а на этот раз в Европе. Конечно, финал и здесь будет тот же — попытка построить собственными силами рукотворный рай на Земле позорно провалится, но финал еще не наступил, и многие не готовы к тому, чтобы вернуться с повинной к своему Небесному Отцу, от которого громогласно отреклись. А коли так, то неприятно о Нем слышать, и хочется уверить себя, что Его вообще нет. Отсюда готовность полюбить и прославить любого человека, который поможет в этом. А помощь должна заключаться в том, чтобы утверждению об отсутствии Бога придать хотя бы наружную доказательность — копать глубоко уж и не будем. Доказательными же считаются ныне только научные высказывания, поэтому требуется объяснить, что Творца могло и не быть, на языке науки. Дарвин дал нам такое объяснение, за что его полюбили и прославили. Однако эта Вавилонская башня начинает трещать, и сквозь эйфорию независимости и неподотчетности в человеческих душах пробуждается тоска сиротства и страх расплаты за самовольство. И преклонение перед «величайшим биологом всех времен», который был в действительности лишь хорошим публицистом, чутко уловившим запросы толпы, явно ослабевает. В широких научных кругах быть дарвинистом становится уже нерпиличным. Но многие люди все еще верят в автоматическую эволюцию. Чтобы они расстались с этим суеверием, им надо дать понятную и доходчивую альтернативу дарвинизму, опирающуюся на представление о сотворении мира Богом.

Виктор ТРОСТНИКОВ, кандидат философских наук

ПРЕДЪ СУДОМЪ БОЖИИМЪ – продолжение (начало в №7)

Мы продолжаем печатать документы из церковных архивов, которые раскрывают суть взаимоотношений между Русской Зарубежной Церковью и т.н. Московской Патриархией. Ввиду того, что многие письма и послания неотрывны по сути от предшествующих, мы советуем вам читать этот раздел с начала, которое вы найдете в №7-м нашего листка.

О Церкви в СССР

„Егда глаголетъ лжу, отъ своихъ глаголетъ, яко ложь есть и отецъ лжи“. Иоан. 8, 44.

Россия нуждается сейчас больше всего в *правдѣ* и в *свободѣ*.

И кь свободѣ она придетъ только черезъ правду. Пока будемъ лгать, будемъ рабами, ложью

свидѣтельствуя о своемъ рабствѣ и закрѣпляя его. Вотъ почему наши исповѣдники и мученики послѣднихъ десятилѣтій вели насъ кь свободѣ, а лицемѣры и лжецы нашихъ дней ведутъ насъ въ рабство.

Мы не выйдемъ изъ тгой окаянной смуглы, пока не отдѣлимъ честно и четко правду отъ лжи и не начнемъ стойко и мужественно выговаривать правду. Вотъ уже сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ насъ утопили во лжи и продолжаютъ

насъ унижать ложью, страхомъ и насиліемъ. А нынѣ имъ удалось заразить многихъ изъ насъ этой ложью; и скорбно видѣть, какъ честные начали вѣрить ей и повторять ее...

Съ самага начала большевицкой революціи было ясно, что Православная Церковь есть духовный организмъ, противостоящій этому неслыханному въ исторіи начинанію, со своей стороны неприемлимый для него и потому обрекаемый имъ на истребленіе. Ясно было, что пока духъ Православной

Церкви живъ въ русскомъ челоѣкѣ — духъ безбожнаго коммунизма *не овладѣетъ* душою русскаго челоѣка, *не поведетъ Россію, не станеть русскимъ духомъ...* А между тѣмъ — именно это-то и было необходимо большевикамъ, ибо программа ихъ для Россіи всегда была одна и та же: „*Россія есть орудіе міровой революціи; русской народъ долженъ самъ заразиться ею до конца, чтобы заразить ею всѣ остальные народы, а тамъ — пусть погибнетъ или растворится въ міровомъ всесмѣшеніи*“. Большевицкая революція никогда не была русскимъ дѣломъ, да и не выдавала себя за таковое. Она всегда была міровой затѣей, начатой *интернациональнымъ* сбродомъ людей во имя *нерусскихъ и враждебныхъ Россіи* цѣлей.

И вотъ, чтобы провести эту чудовищную затѣю, большевики должны были внушить русскимъ массамъ послѣдовательное безбожіе и противобожіе, пафосъ интернационализма,

готовность къ кровавой рѣзнѣ въ міровомъ масштабѣ и вѣру въ тоталитарный коммунизмъ. Это былъ съ самаго начала — замыселъ міровой тирании, замыселъ антихристіанскій, безовѣстный и безчестный. Это былъ планъ — разжечь во всѣхъ народахъ зависть и ненависть, разнуздать ихъ и поработить при помощи монополіи работодательства и систематическаго террора. И нынѣ этотъ планъ отнюдь не оставленъ: онъ живъ и дѣйственъ больше, чѣмъ когда-либо. И тѣ, кто говорятъ, будто онъ «отвергнуть и забыть», — лгутъ и тѣмъ самымъ служатъ его осуществленію, сознательно или бессознательно...

Россія *необходима* большевикамъ для его осуществленія, какъ *плацдармъ*, какъ *главное орудіе*, — государственное, дипломатическое, хозяйственно-финансовое и военное. Мало того: имъ необходима *душа русскаго народа, его вѣра, его жертвенность, его живой пафосъ, его талантливость*, вся его культура, всѣ его естественныя богатства, вся его территория, его имя, его языкъ, самое его существованіе...

И все это выяснилось съ самаго начала. А теперь все это стало ясно и многимъ иностранцамъ. Вообще послѣ прошедшихъ лѣтъ этого нѣтъ надобности доказывать. Это уже доказано фактами, цифрами, рѣчами самихъ большевиковъ и ихъ лозунгами, И еще мученичествомъ миллионнвъ лучшихъ русскихъ людей. Это есть *историческая истина*, неопровержимая и *окончательная*. Но горе тѣмъ, кто ее забудетъ или станеть ее отрицать...

Теперь спросимъ: могъ ли живой духъ Православной Церкви принять это? — Конечно нѣтъ. — Могла ли Православная Церковь, духомъ своимъ созидавшая и воспитывавшая Россію, провести искусственную и фальшивую грань

между «церковной» сферой и «политической», и предаться двусмысленному и предательскому «невмѣшатель-ству»? — Конечно нѣтъ. — Она этого и не сдѣлала. А если бы она попыталась сдѣлать это, то немедленно начавшееся беспощадное наступленіе большевиковъ на нее прекратило бы эту попытку. Такъ и было въ дѣйствительности.

Тоталитарный коммунизмъ съ самаго начала не довѣрялъ такъ называемымъ «нейтральнымъ», хотя и соглашался пользоваться ими въ первые годы. Его основное правило гласило: «кто не съ нами и не за насъ, тотъ нашъ врагъ и подлежитъ истребленію». Прошли первые годы — и всѣ, всѣ, всѣ были потянуты къ отвѣту. Рабочіе, крестьяне, ученые, инженеры, адвокаты; чиновники, духовенство, ремесленники и уголовные — всѣ должны были говорить: или «да, я съ вами», или же «нѣтъ, я противъ васъ»; и не то чтобы «сказать» одинъ разъ, а говорить, повторять и *подтверждать это все новыми и новыми поступками*, по вульгарному правилу: „*коли любишь — докажи*“... Надо было *помогать, служить, быть полезнымъ, исполнять всѣ требованія*, даже и самыя отвратительныя, безчестныя, унижительныя, предательскія. Надо было идти на смерть героемъ-исповѣдникомъ, или же стать на все готовымъ злодѣемъ: донести на отца и на мать, погубить цѣлыя гнѣзда невинныхъ людей, выдавать друзей, гласно требовать смертной казни для почтенныхъ и храбрыхъ патріотовъ (какъ дѣлалъ, напримѣръ, артистъ Качаловъ по радіо), совершать провокаторскіе поступки, симулировать возрѣнія, коихъ не имѣешь и кои презираешь, пропагандировать безбожіе, преподавать съ кафедры самыя идиотскія теоріи, вѣрять въ завѣдомую и безстыдную ложь, и лстыть, неутомимо, безстыдно лстыть мелкимъ «диктаторамъ» и большимъ тиранамъ... Словомъ, выборъ былъ и *нынѣ остался* простой и недвусмысленный: геройство и мученическая смерть, или же порабоженіе или пособничество.

Русскія народныя массы поняли это въ первые же годы — и попытались *уйти въ маскировку*. И вотъ, все политическое развитіе революціи можетъ быть описано какъ *систематическій нажимъ на маскирующихся*, нажимъ, въ которомъ молчаливаго провоцировали, на уклончиваго доносили, неудобнаго увозили, малолѣстящему «пришивали»

небывалое, подозрительнаго ссылали, неосторожнаго ликвидировали; а съ другой стороны маскирующіеся избобрѣтали все новые способы *остаться незамѣченными, уйти отъ нажима*, они изыскивали *все новыя жизненныя маскировки*, новыя формулы нейтральности или полудоляльности, новые закоулки быта, новые «лѣса», «овраги» и «тундры» — для спасенія... И, наконецъ, все это увѣнчалось — выработкой *живой маски на лицѣ*...

Сколько разъ за послѣдніе годы иностранцы спрашивали насъ, почему это у русскихъ такіе «каменные лица»? Они были правы: совѣтскіе *всѣ*

носятъ живую маску и молчатъ. На лицѣ — ни чувства, ни мысли, ни интереса. Мертвая тупость, неподвижныя шеи, незамѣчающіе, хотя все время рыщущіе глаза, и въ нихъ смѣсь изъ застывшаго испуга, раболѣпія, на-все-готовности и хитраго садизма. Страшно смотрѣть. Защитныя маски, Препараты коммунизма. А что тамъ въ душѣ скрыто и замолчано? Объ этомъ скажетъ исторія вполѣдствіи. Вотъ во что превращена сейчасъ наша простодушная и словоохотливая Русь...

Понятно, что отъ этой дилеммы, отъ этой маскировки не могли уйти и дѣятели Православной Церкви. *Одни* пошли на мученичество. *Другіе* скрылись въ эмиграцію или подполье, — въ лѣса и овраги. *Третьи* ушли въ подполье, — личной души: научились безмолвной, наружно невидной, потайной молитвѣ, *молитвѣ* сокровеннаго огня.

Но нашлись — *четвертые*. Эти рѣшили сказать большевикамъ: «да, мы съ вами», и не только сказать, *а говорить и подтверждать поступками*; помогать имъ, служить ихъ дѣлу, исполнять всѣ ихъ требованія, лгать вмѣстѣ съ ними, участвовать въ ихъ обманахъ, *работать рука объ руку съ ихъ политической полиціей*, поднимать ихъ авторитетъ въ глазахъ народа, публично молиться за нихъ и за ихъ успѣхи, вмѣстѣ съ ними *провоцировать и поднимать* національную русскую эмиграцію и превратить такимъ образомъ Православную Церковь въ дѣйствительное и послушное орудіе міровой революціи и мірового безбожія...

Мы видѣли этихъ людей. Они всѣ съ типичными, каменно-маскированными лицами и хитрыми глазами. Они, не стѣсняясь, открыто лгутъ и притомъ въ самомъ важномъ и священномъ, — о

положеніи Церкви и о замученныхъ большевиками исповѣдникахъ. Они договорились частнымъ образомъ съ совѣтской властью и, не заботясь нисколько о соблюденіи церковныхъ канонівъ, «выдѣлили» изъ своей среды угоднаго большегвикамъ «патріарха» и официально возглавили новую релігійно парадоксальную, неслыханную «совѣтскую церковь»...

Вотъ смыслъ происшедшаго.

Зачѣмъ они это сдѣлали? Оставимъ въ сторонѣ ихъ личныя побужденія. За нихъ они отвѣтятъ передъ Богомъ и передъ исторіей. Спросимъ объ ихъ «церковныхъ» соображеніяхъ. Для чего они это сдѣлали?

1. Для того, чтобы покорностью Антихристу погасить или по крайней мѣрѣ смягчить гоненія навѣрующихся, на духовенство и на храмы; — „купить “ передышку цѣною содѣйствія *большевизму* въ Россіи и за границей.

2. Изъ опасенія, какъ бы Антихристъ не договорился съ Ватиканомъ объ окончательномъ искорененіи Православія; — *чтобы въ борьбѣ съ католиками имѣть Антихриста за себя...*

Исторія покажетъ, чего этой группѣ удастся въ дѣйствительности достигнуть, что она потеряетъ и что она приобрѣтетъ, и какова будетъ ея личная судьба. Не подлежитъ однако никакому сомнѣнію, что *будущее Православія опредѣлится не компромиссами съ Антихристомъ*, а именно тѣмъ *героическимъ стояніемъ и исповѣдничествомъ*, отъ котораго эти «четвертые» такъ вызывающе, такъ предательски отреклись... Мы ни минуты не можемъ сомнѣваться въ томъ, что вся эта группа будетъ «своевременно», т.е. въ подходящій моментъ, казнена большевиками; но уйдутъ они изъ жизни не въ качествѣ вѣрныхъ Православію исповѣдниковъ и священномучениковъ, наподобіе Митрополиту Веніамину, Петру Крутицкому и другимъ, ихъ же имена Ты, Господи, вѣси, а въ качествѣ не угодившихъ Антихристу, хотя по мѣрѣ силъ и угождавшихъ ему, рабовъ *его*... Ибо, — установимъ это теперь же, — въ сдѣлкѣ съ совѣтской властью они вынуждены расплачиваться и уже расплачиваются *реальными услугами и безоговорочнымъ содѣйствіемъ*.

То соглашеніе, которое они заключили, не можетъ быть названо «конкордатомъ», ибо конкордаты предполагаютъ извѣстное, хотя бы скромное, «равенство» и хотя бы минимальную *свободу* договаривающихся сторонъ. Сталинъ — и Сергій, Сталинъ — и Алексѣй никогда не были равны: Сергій и Алексѣй были всегда терроризированными плѣнниками Сталина; они не были свободны; они не «договорились» со Сталинымъ, а *покорились ему*. При этомъ Сталину важно было изобразить это дѣло для Европы и Америки какъ «конкордаты», и эту покорность,

какъ «свободное соглашеніе равныхъ сторонъ». Надо было, чтобы міръ повѣрилъ; а міръ, по мудрой римской поговоркѣ, и безъ того всегда «хочетъ быть обманутымъ».

Алексѣй (и его послѣдователи до сего дня — *Ред.*) понималъ это съ самаго начала и отлично зналъ, что дѣлаетъ: онъ помогъ обмануть міръ, *чтобы поднять въ его глазахъ и свой авторитетъ* (какъ же? — «независимый Патріархъ всея Руси»...), и *авторитетъ Яв совѣтской власти* (какъ же? — «отнынѣ Церковь въ совѣтскомъ государствѣ на

свободѣ и въ почетѣ...») и сама же отрицаетъ въ прошломъ всякія гоненія, *какъ небывшія*).

Съ этимъ завѣдомо ложнымъ извѣстіемъ Алексѣй, а потомъ и его эмиссары поѣхали за границу. Они лучше чѣмъ кто-нибудь знали, что Церковь стала *покорнымъ учрежденіемъ мѣ совѣтского строя*; что *они обязаны и смѣютъ говорить только ту ложь*, которая имъ предписана; они знали, что лгутъ и лгали о мнимой свободѣ Церкви. Каждый пріемъ Алексѣя на ближнемъ востокѣ давался «вторемъ»: онъ самъ и два стенографирующихъ каждое слово агента внутреннихъ дѣлъ (для взаимнаго контроля). Стенографировались *его собственныя слова и слова посѣтителя*. При этомъ Алексѣй увѣрялъ посѣтителя, что «Православная Церковь вполнѣ свободна» и тѣмъ *провоцировала* посѣтителя выдавать себя съ головой большевицкой тайной полиціи. Онъ, конечно, понималъ, что его выступленія имѣютъ смыслъ политической провокаціи — и провоцировалъ. «Патріархъ всея Руси» въ роли сознательнаго политическаго провокатора у Антихриста...

Таковы же были и выступленія и его политическихъ эмиссаровъ въ Парижѣ, этихъ т.н. «митрополитовъ» и «епископовъ». То же самое происходило и въ Америкѣ. Всѣ они лгали и провоцировали; и знали, что лгутъ и провоцируютъ. И видѣли, что имъ вѣрятъ — или одни «свои же агенты», или сверхъ того еще и отмѣнные *эмигрантскіе глупцы*, и безъ того желающіе быть обманутыми. А про *эмигрантскихъ не глупцовъ* они твердо знали, что эти — *только притворяются*, будто вѣрятъ, а на самомъ дѣлѣ *сознательно помогаютъ имъ обмануть эмигрантское и мировое общественное мнѣніе въ пользу в большевизма* — и при томъ *по международной директшѣ, данной изъ*

мировой кулисы. Они понимали все это — и лгали дальше. А если подъ шумокъ «провирались правдою» — то бывали за это немедленно увозимы въ Москву на аэропланѣ (такъ было въ Парижѣ).

Удивительно легко, привычно и ловко катились они по этой линіи лжи. Это впрочѣмъ понятно: главная ложь была у нихъ уже за плечами: у нихъ хватило духа объявить устно и печатно, что всѣ мученики и священномученики Православной Церкви за послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ страдали не за вѣру и за Церковь, а за «политическія преступленія» *противъ совѣтской власти*: у нихъ хватило духа, — еще у Мѣстоблюстителя митрополита Сергія, — заявить, что никакихъ гоненій на вѣру, на вѣрующихся, на Церковь, на храмы и на святыни Православія въ *совѣтской странѣ никогда не было*. Послѣ этой вопіющей лжи — все остальное лганьепошло легко и гладко.

Книгу Мѣстоблюстителя Сергія, вышедшую въ Москвѣ во второй половинѣ 1942 года, надо было видѣть и изучить, что намъ и удалось сдѣлать.

Это — сборникъ статей, «заявленій» и «свидѣтельскихъ показаній». Участниками были — самъ Сергій, его ближайшіе церковные помощники и длинный рядъ «духовныхъ» и свѣтскихъ лицъ. Тезисъ у всѣхъ былъ одинъ: *совѣтская власть никогда не веда гоненій на Церковь, на вѣру и на вѣрующихся, гоненія начались только въ моментъ вторженія германскихъ фашистовъ и ведутся только ими* (пропагандный маневръ, вписывающійся въ сталинскую кампанію возвращенія государствомъ народу его историческихъ и культурныхъ цѣнностей, растоптанныхъ и заплеванныхъ въ 20-е и 30-е гг., съ цѣлью поднятія его духа въ борьбѣ съ нѣмцами; отлично понимая, что сообщениями о разстрѣлахъ комиссаровъ и политруковъ народъ не разъяришь, правительство въ частности объявило, что нѣмцы уничтожаютъ релігію — *Ред.*). Каждая статья сопровождалась портретомъ ея названнаго автора или во всякомъ случаѣ факсимилѣ его подписи.

Кто читалъ эту книгу, — *зная историческую правду*, — того охватывало чувство головокруженія и ужаса. Это былъ потокъ завѣдомой, вызывающей, безстыдной лжи; все было написано однимъ и тѣмъ же, одинаковымъ стилемъ и произносилось тономъ аффектированнаго,

наиграннаго негодованія, съ эдакими раскатами «истинно коммунистическаго пафоса», и съ этою за шестьдесятъ лѣтъ всѣмъ осточертѣвшею подхалимскою «лояльностью». Что было — того «не было». Церковь «цвѣтеть», народъ «свободно молится», храмы — «открыты», никакихъ утѣсненій сроду не бывало.

Когда же волна злодѣйскаго умысла, ненависти и свирѣпости дѣйствительно надвигалась изъ Германіи — по обычаю совѣтской пропаганды — къ очевидно безспорной правдѣ пристегивалась завѣдомая ложь... И произносилось все это распаленнымъ тономъ завѣдомаго лжеца, знающаго, что ему никто не вѣритъ и не повѣритъ.

И потомъ эти «іерархи» явились къ намъ, за рубежъ, и предложили намъ признать ихъ «авторитетъ» и подчиниться ихъ *церковному* водительство такъ, какъ они сами подчинились *духовному* водительству Совѣтовъ. О послѣднемъ они, впрочемъ, умолчали. А за рубежомъ сейчасъ же нашлись такіе, которымъ эти люди показались носителями «истиннаго и свободнаго Православія», и которые увидѣли въ Алексѣѣ (страшно сказать)

«хранителя канонѡвъ» и «великаго водителя Церкви». И поспѣшили увѣрять въ него и подчиниться ему... И, конечно, принять «совѣтскую церковь»...

А «совѣтская церковь» есть на самомъ дѣлѣ — *учрежденіе совѣтскаго* противохристіанскаго, тоталитарнаго государства, исполняющее *его* порученія, служащее *его* цѣлямъ, не могущее ни свободно судить, ни свободно блюсти тайну исповѣди. По истинѣ, только тотъ, кто все забылъ и ничему не научился, можетъ воображать, что тоталитарный коммунизмъ способенъ и склоненъ *читать тайну исповѣди*; что священникъ Алексѣевской, совѣтской церкви посмѣетъ блюсти эту тайну и, принявъ исповѣдь честнаго патриота (т.е. «контрреволюціонера» или идейнаго антикоммуниста) не довести ее по линіи НКВД или МВД... По истинѣ, только тотъ, кто усталъ бороться съ совѣтскими рабовладѣльцами и поддался ихъ пропагандѣ, можетъ думать, что «патріархъ» Алексѣй хранить и строить истинное Православіе. Только тотъ можетъ считать Алексѣя «хранителемъ канонѡвъ», кто *никогда не читалъ ихъ и не вникалъ въ ихъ глубокой христіанскій смыслъ*. Этотъ смыслъ — прежде всего въ *свободѣ отъ человѣческаго давленія на „тволеніе Духа Святаго“* и во *вдохновенномъ повиновеніи* Его внушеніямъ. И потому то, что Алексѣй на самомъ дѣлѣ можетъ «хранить», конечно въ предѣлахъ угодныхъ и удобныхъ совѣтской политической полиціи, — это традиціонная внѣшность историческаго Православія, а каноны онъ уже

попралъ, взбираясь на запустѣвшій престолъ Патріарха всея Руси.

Въ отвѣтъ такимъ забывчивымъ и утомленнымъ мы выдвигаемъ тезисъ: *Православіе, подчинившееся Совѣтамъ и ставшее орудіе мь мірового антихристіанскаго соблазна — есть не православіе, а соблазнительная ересь антихристіанства, облекшаяся въ растерзанныя ризы историческаго Православія*. Но этотъ тезисъ мы уже не будемъ доказывать, ибо мы его только что доказали.

Пусть же тотъ, кто дѣйствительно «не видитъ» ложной роли новаго «патріарха», подумаетъ только: самъ поработенный, — ЗАЧѢМЪ онъ силится подмять подъ себя и поработить вмѣстѣ съ собой еще и зарубежное Православіе? Самъ принявшій копромиссъ съ врагами христіанства и Православія, *вынужденный къ эпіому*, — ЗАЧѢМЪ онъ навязываетъ этотъ компромиссъ намъ, которые имѣютъ возможность, слава Богу, не молиться за дьявола и его успѣхи въ мірѣ. Вѣдь казалось бы — надо Бога благодарить за то, что зарубежное Православіе можетъ жить и молиться, не служа Антихристу. Откуда эта непреодолимая потребность *въ іерархическомъ подчиненіи*, въ возможности назначать, предписывать, столь чуждая истинному Православію? Почему это стало вдругъ необходимо — лишить зарубежное Православіе свободы его молитвеннаго и церковнаго дыханія? Православію ли нужно поработить всѣ зарубежные приходы и епархіи подъ низкую руку МВД, чтобы всюду шныряли, предписывали, шпионили и составляли свои

прескрипціонные списки его безсовѣстные и свирѣпые агенты, эти изчадія зла и позора? Кто же въ дѣйствительности нуждается въ этой нашей независимости — Православная Церковь или совѣтское правительство?

Тутъ спросить — значить отвѣтить. Совѣтская церковь осуществляетъ во всѣхъ своихъ выступленіяхъ — *не волю Церкви, а волю Совѣтовъ*. А слѣпцы и лицѣмѣры спѣшатъ ей навстрѣчу.

Протопресвитеръ Михаилъ Польскій

[Выше мы привели] статью мощнаго и правдиваго пера въ Бозѣ почившаго отца протопресвитера Михаила Польскаго. Теперь, когда совѣтское правительство пытается вложить весь государственный строй Россіи въ русло нормальной экономической, человѣческой жизни, хочетъ сократить произволъ партіи и снять съ «Плахи» страха весь народъ, эта статья покажетъ, по нашей мысли, очень реально и рельефно, отъ что надо совершенно отойти, съ чѣмъ надо покончить государству и Церкви въ Совѣтскомъ Союзѣ. Въ особенности Церкви надо вернуть ея настоящее мѣсто и стать свободной и чистой совѣстью государства.

О. Михаилъ въ свое время бѣжалъ изъ Соловецкаго монастыря, мѣстассылки большинства іерарховъ Русской Церкви и многихъ священнослужителей, не согласныхъ съ митрополитомъ Сергіемъ, подписавшимъ съ совѣтскимъ правительствомъ знаменитую декларацию, которая лежитъ тяжелымъ бременемъ и пятномъ на всемъ ликѣ и всей дѣятельности Московской Патріархіи даже до сего дня. О. Михаилъ пишетъ какъ знающій, о чемъ говоритъ, какъ испытавшій на себѣ, какъ очевидецъ, видѣвшій все своими собственными глазами, какъ исповѣдникъ, наконецъ; пишетъ изъ нѣдръ Церкви, какъ священнослужитель, органически сроднившійся съ нею, а потому ставшій въ данномъ вопросѣ голосомъ истинной Церкви Христовой.

Эта статья была написана сразу же послѣ Второй Мировой Войны, но по многимъ причинамъ не была подписана имъ. Въ 1947 году Арх. Синодъ перевелъ о. Михаила въ Санъ Франциско въ помощь архіеп. Тихону, а мнѣ было предписано замѣнить его въ должности настоятеля лондонскаго прихода. Въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ о. Михаилъ не только мнѣ передавалъ приходскія дѣла, приходъ какъ данную духовную единицу, но и ввелъ меня въ страну Англію, раскрывъ передо мной съ рѣдкой проникновенной наблюдательностью сокровенную этику британской націи и охарактеризовалъ особенности ея институцій. Онъ былъ настоящимъ русскій протопомъ государственнаго большаго ума. Вотъ почему, читая эту статью, невольно чувствуется за ней солидный умъ, большой опытъ въ мысленіи, здравая разсудительность. Дай Господь, чтобы кому-нибудь это послужило бы еще на пользу.

Митрополитъ Виталий.

